Лучший друг детектива

Автор:
Татьяна Устинова

Лучший друг детектива

Татьяна Витальевна Устинова

Галина Владимировна Романова

Ольга Геннадьевна Володарская

Евгения Михайлова

Анна и Сергей Литвиновы

Анна Велес

Татьяна Сергеевна Бочарова

Великолепные детективные истории

Разве может детектив быть усатым, хвостатым, пушистым и невероятно милым? Да, если это герои нового сборника остросюжетных рассказов «Лучший друг детектива». Именно эти отважные и безоглядно любящие своих хозяев существа помогают им выпутаться из невероятных ситуаций, раскрыть кажущуюся неразрешимой загадку, а еще найти любовь и счастье! Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Ольга Володарская и другие талантливые писатели вас в этом легко убедят!

Издательство «Эксмо» представляет книгу, состоящую из самых ярких детективных рассказов самых любимых авторов. Краткие остросюжетные истории вместили все, что присуще захватывающему дух детективу: интригующий сюжет, шквал криминального действа, блистательная развязка. Наряду с произведениями мастеров жанра – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея

Литвиновых, Ольги Володарской – вы сможете по достоинству оценить и произведения других авторов. Самое любимое и самое дорогое сердцу истинного почитателя детектива и любителя животных – под одной обложкой!

Лучший друг детектива

(сборник)

Анна и Сергей

Литвиновы Девушка и пианист

В девяностые годы Россия голодала, но Маши потрясения не касались. Папа – партийный функционер и мама – работник торговли ловко подстроились под новую реальность. Вовсю приватизировали, хапали, но вкладывали не только в золотые унитазы, но и в любимую дочку.

Маша пока не решила, кем станет: певицей или актрисой, поэтому к ней ходили лучшие в Москве педагоги и по вокалу, и по сценическому движению. Девушка участвовала в конкурсах красоты, снималась в эпизодах и первых в стране рекламных роликах, дорого одевалась, а всем гостям обязательно показывала свое прекрасное портфолио.

Карманных денег для дочери родители не жалели, и вокруг Маши вечно вилась толпа прихлебателей. Все на одно смазливое лицо и вели себя одинаково: восхищались, подлизывались, пытались затащить под венец. Только одноклассник Денис из прочих выделялся.

Парень был одаренным пианистом, жил бедно и собирался поступать в консерваторию. Маша беднягу от неразумного решения усиленно отговаривала:

– Кому сейчас твоя музыка нужна? Оркестры закрываются. В кабаках будешь выступать? Иди лучше бизнес делать! Или про белые розы пой.

– «Белые розы» забудут, а классику люди будут слушать всегда, – уверял Денис.

– Ага. Мои предки отгрохают особняк, я попрошу у них белый рояль, и ты придешь к нам тапером во время званого ужина.

Денис не обижался:

– Для тебя я где угодно сыграю. – Опалял жарким взглядом, прижимал к себе, целовал.

Маше Денис нравился. Может, действительно за него замуж выйти? Но папа с мамой презрительно именуют одноклассника «босотой» и мезальянс явно не одобрят. Да и самой скучно – быть при скромном музыканте, когда у твоих ног весь мир.

Московскую школу Маша не окончила – родители отправили доучиваться в Лос-Анджелес. Она немедленно загорелась Голливудом. Взялась активно учить английский, ходила на актерские курсы, обзавелась агентом, общалась с нужными людьми и даже устроилась официанткой в ресторан, куда иногда заглядывали перекусить продюсеры. Все время казалось: роли в кино – совсем рядом. И принц прекрасный вот-вот встретится.

У родителей тем временем начались неприятности. У матери отобрали сеть магазинов, отец и вовсе попал под следствие. Маша вяло предложила вернуться в Россию и помочь, но предки взвились:

– Даже думать не смей! А то и тебя закроют!

Она послушалась и не поехала. Под отца активно копали. Мама с горя начала пить.

Деньги от родителей поступать перестали. Маше пришлось отказаться от йоги, курсов актерского мастерства, уволить агента и впахивать в ресторане чуть ли не круглыми сутками. Круг веселых и беззаботных знакомых тоже как-то

быстренько рассосался, когда она не смогла больше ходить по дорогим ночным клубам и перестала устраивать вечеринки.

Однажды, когда Маша еле ноги волочила после тяжелой смены, из Москвы позвонила пьяная мама. Сообщила, что был суд, отцу дали десять лет, имущество конфисковали, счета арестовали. Из всех накоплений осталась единственная квартирка.

А вечером по телевизору она увидела своего бывшего одноклассника Дениса. Маша помнила его вечно голодным, нестриженым и нескладным. Но сегодня, в черном фраке, с богемными, стильно уложенными кудрями, он выглядел истинным денди. Russian diamond[1 - Русский бриллиант] Denis собрал аншлаг в Карнеги-холл, где играл Чайковского под аккомпанемент Нью-Йоркского филармонического оркестра. А на поклонах он горячо благодарил супругу, которая дает ему вдохновение – камеры мгновенно переместились на не слишком красивую, но чрезвычайно ухоженную даму в первом ряду.

Первым порывом было: немедленно мчаться в Нью-Йорк, падать Денису в ноги, объяснять, как она была не права. Но Маша вспомнила холеное, умиротворенное лицо супруги, сопровождавшей одноклассника, и поняла: бесполезно. Она опоздала.

Прошло еще пять лет. Денис стал звездой мирового уровня.

Маша не добилась ничего. Когда ей исполнилось сорок, она вернулась в Россию. Встреча с родителями радости не принесла. Отца выпустили, но поломали его конкретно. Теперь они с матерью упоенно квасили вместе. Находиться с ними в одной квартире было невозможно, и Маша уехала на юг. На небольшие свои накопления она собиралась купить однушку где-нибудь в отдалении от туристических троп, сидеть на балконе, смотреть на море, слушать музыку и вспоминать Дениса.

Маша планировала осесть в Сочи, но город ей не понравился: ни стиля, ни харизмы, а понтов больше, чем в Калифорнии. И если из окна хоть сантиметр моря виден – цена сразу запредельная. Может быть, тогда в горы, на Розу Хутор? Но и тут по карману ей оказались разве что халупы с удобствами во дворе.

«Хороший у меня итог жизни, – совсем запечалилась Маша. – Ни мужа, ни детей. И заработала – только на барак».

Риелторы советовали умерить аппетит и отправляться куда попроще – в Лазаревское, в Лоо. Но Маша в море уже разочаровалась. Пляжный отдых ей теперь казался голливудским фильмом – ярким, примитивным и простеньким. А в гармонии снежных вершин чувствовался лоск авторского кино. Так и виделась сцена: прямо у подножия Каменного столба белый рояль, и тонкие пальцы Дениса танцуют по клавишам.

Маша продолжала бродить по Розе Хутор. От державных особняков вдоль реки Мзымты забиралась все дальше и дальше от центра. И почти на границе с лесом наткнулась на небольшой деревянный коттедж «а ля избушка» – желтенький, ладненький, светлый. То, что она и хотела: глушь, тишина, совсем рядом строгая красота гор. И на заборе как раз табличка «продается».

Может, позвонить – вдруг денег хватит? Или хозяин согласится в рассрочку продать? Она достала телефон – но набрать номер не успела.

Боковым зрением увидела: со стороны леса, бесшумно, но зловеще к ней подбирается огромный пес. Породу Маша знала – самоед, вроде должен быть дружелюбным. Но глаза у этого дикие, злющие, шерсть вместо белой – грязно-серая, свалявшаяся. Пес остановился метрах в трех, прижал уши и зарычал.

«Сейчас кинется!» – в страхе подумала Маша.

Будь она прежней, восемнадцатилеткой, маменькиной дочкой – заревела бы от страха. Но что толку рыдать, если теперь защитить ее все равно некому? Поэтому, хотя внутренне замирала от ужаса, она сделала шаг вперед и сердито, по базарному крикнула псу:

– Чего выступаешь? Я тебя трогаю? На твою территорию захожу?!

Не сводя глаз со свирепой морды собаки, Маша присела на корточки и подобрала камень. Самоед ощерился, зарычал еще утробнее.

Она замахнулась, но камень бросать не стала, сквозь зубы произнесла:

– Я тебя не боюсь.

И вдруг увидела: из темно-карего собачьего глаза в уличную пыль скатилась слеза.

– Испугался? – презрительно усмехнулась Маша.

Хлопнула калитка. Из коттеджа наискосок к ней бежал дед, размахивая клюкой, на ходу выкрикивая:

– Джек! Сейчас прибью! А ну, назад! Пшел, пшел!

Пес увидел палку, грозно рыкнул на прощание и скрылся в лесу. А дед напустился на Машу:

– Ты чего здесь ходишь одна?

Ее, после пережитого, начало колотить. Она жалко улыбнулась в ответ:

– Да я гуляла просто.

– Гулять в парке водопадов надо! Или на Роза Пике! – продолжал разоряться дедок. – А тут бы Джек в клочки тебя порвал! Спасибо, я увидел!

– Да я его… вроде укротила почти, – похвасталась Маша.

– Укротила! Повезло тебе просто, что я вовремя вышел. Джек – нехороший пес, совсем одичал. В лесу живет, на людей нападает. Меня только боится – получал уже. Ну и помнит, что я с хозяином его общался.

– А кто у него был хозяин?

– Да вот здесь жил, – дедок махнул на избушку, – плохой человек, гнилой. Захотелось ему перемен – и сюда из Москвы явился. Дом построил, горами потешился, собаку пригрел. Потом надоело – и дальше по свету скакать. Жилье на продажу выставил, а пса бросил.

– Сам уехал, а собаку не взял?

– Сказал, на новом месте новую заведет.

– Ничего себе! А сейчас в этом доме что?

– Риелторы пытались под курортников сдавать, но не пошло дело.

– Почему?

– Глушь. Достопримечательности далеко. Автобуса нет.

Маша усмехнулась:

– Подумаешь! Зато дом красивый. Уединение, лес рядом. Воздух какой!

– Красивый он только с виду, а построен криво-косо. Еще и хозяйской руки нет, – вечно то протечки, то канализация воняет. И Джек еще: под забор приходит, воет, туристов раздражает. Так что нет больше желающих арендовать. Пустует дом, ветшает. Хозяин каждый год цену сбрасывает.

– И сколько сейчас?

Дедок назвал сумму. Ничего себе – целый дом по цене однокомнатной квартиры!

– Я его куплю, – пообещала Маша.

* * *

Маша всю жизнь прожила в «муравейниках», горячую воду в трубах и прочие удобства воспринимала как должное, поэтому частный дом ее ошеломил. Каждый день новое приключение: то сколопендра заползла или рой летучих муравьев залетел, то свет погас, то пол провалился. До магазинов неблизко, машины нет, все необходимое таскай на своем горбу. Да и проклятый пес – наследство от бывшего хозяина – нервировал. Джеку явно не нравилось, что в его бывшем жилище завелась какая-то дамочка. Днем не показывался, но по

ночам выбирался из лесу, устраивался под окном спальни и выл – негромко, тоскливо, надсадно.

– Да вызови ты ловцов каких-нибудь! Или хоть охотников найми! – увещевал соседский дед. – Пусть пристрелят его.

Но Маша твердо отвечала:

– За что его стрелять? Я понимаю: обидно ему. Потерплю.

Она упорно пыталась подружиться с собакой. Закупила мешок корма, обязательно ставила под калиткой плошку с едой и питьем. Но Джек к угощению не притрагивался – все доставалось бродячим котам.

Соседи принимали Машу за очередную эксцентричную москвичку. Явно ждали: поначалу будет всем восторгаться, бродить по горам, рисовать пейзажи, но очень быстро заскучает и смоется обратно в столицу.

Но уезжать ей было некуда. Все сбережения ушли на дом, жалкие остатки стремительно утекали на занавески, постельное белье, постоянный мелкий ремонт. Нужно было искать работу.

Куда только устроишься в курортном поселке? Аниматором, детей приезжих буржуев развлекать? Администратором, по двенадцать часов в день за стойкой, размещать гостей и выслушивать их претензии? В магазин продавцом?!

В Лос-Анджелесе она одно время работала – поющей официанткой. Разносила кушанья, а пару раз за вечер подходила к микрофону. Но в Розе Хутор подобной профессии не имелось, а просто певицей Машу ни в один ресторан не взяли.

В итоге получила место на самой обочине сектора luxury – в дорогом СПА-салоне. Ей выдали красивую форму, оформили скидку на маникюр с массажами и выдали бесплатный ски-пасс. Работа, правда, оказалась скучнейшая: набирать клиентам ванны (хвоя, бишофит, морская соль), помогать в них забраться и подавать полотенца.

Салон располагался при пятизвездочном отеле, и публика здесь собиралась изысканная. «Бентли» на парковке и бриллианты на часах кружили головы. С клиентками-дамами сотрудницы общались холодно-вежливо, зато перед клиентами-мужчинами стелились. Кто плавал мельче, старался за чаевые. Остальные надеялись очаровать, поразить, влюбить, женить.

Маша поневоле втянулась во всеобщий марафон. Перед каждой сменой она тщательно укладывала волосы, красилась. Полотенца подавала с голливудской улыбкой, всегда старалась сказать клиенту приятное, чем-то порадовать.

Но тягаться со свежими, юными коллегами оказалось нереально. Изюминки-чертовинки в ней не имелось, апгрейда, омоложений-подтяжек Маша не делала, острое словцо к месту ввернуть не могла, кокетничать не научилась. Заезжие богачи равнодушно давали на чай, но никто не смотрел на нее с вожделением – воспринимали ее как персонал, безмолвную «подай-принеси».

«А ведь могла бы с Денисом по всему миру ездить! Сама бы сейчас по крутым салонам ходила, а все мне прислуживали!» – переживала Маша.

Собственное жалкое положение ее задевало, тем более кругом столько богачей: в люксовых отелях живут или в собственные огромные особняки приезжают.

Ей тоже хотелось вести расслабленную жизнь рантье – слушать на балконе записи фортепьянных концертов в исполнении Дениса, пить белое вино со льдом и снисходительно хвалить помощницу по хозяйству за вкусный ужин. Но вместо этого на работе весь день на ногах, да еще дома то полы приходится драить, то унитаз мыть. А когда вдруг розетка ломалась или котел работать переставал – вообще хоть плачь.

Сосед помогал, но ворчал:

– Некогда мне! Мужа себе найди, пусть он возится.

– Ой, а у вас «мужья на час» есть? Ну, фирмы такие, где можно помощь по хозяйству заказать?

– У нас не столица, а курорт. Рес-пе-кта-бель-ный. Нормальный местный никогда не пойдет прочищать канализацию, если можно работать лыжным инструктором.

– Да мне не обязательно нормального, – развеселилась Маша. – Лишь бы гвоздь умел забить.

– Ну, алкаша приваживать я тоже не позволю, – отбрил дедок. – И так одна-одинешенька на окраине живешь. – Он задумался. – Есть у меня один знакомец – Василич. Человек хороший, но блаженный.

– Это в каком смысле? – испугалась Маша.

– Живет один, в лесу. Говорит, что язык птиц понимает: разговаривает с ними – они в ответ что-то чирикают. Но руки золотые.

– Представляю, как от вашего протеже пахнет, – сморщила нос Маша.

– У него сруб рядом с водопадом, – усмехнулся сосед. – И моется там, и вещи свои стирает.

– А зимой?

– До белых мух в своей времянке сидит. Только когда совсем морозы, в Сочи перебирается. У него там квартира.

– Ну-у… зовите вашего аборигена.

Когда Маша увидела Василича, решила: настоящий йети – длинные волосы, борода, усищи, рубашка из холстины, лицо обветренное, ручищи огромные, натруженные. Но глаза (пусть прятались под огромными бровями-кустами) глядели осмысленно. И Ванессу Мэй он попросил выключить.

– Почему? – удивилась Маша.

– Не люблю суррогаты, – поморщился гость.

Она улыбнулась, поставила Первый концерт Чайковского (за роялем, конечно, Денис). Абориген кивнул:

– Нормально, – и отправился воевать с подтекающим котлом.

Потом выпили чаю. Василич не чурался застольной беседы.

– А правда, что вы прямо в глухом лесу живете? – первым делом спросила Маша.

– Правда.

– Убеждения? – Она подмигнула: – Или от кого-то прячетесь?

Он пожал плечами:

– Ни от кого не прячусь, но людей не люблю.

– Почему?

– Вечно у вас театр: то одна декорация, то другая. И самому актерствовать надо. А в лесу – все настоящее: яркие краски, тишина, никто тебя не трогает.

Она прищурилась:

– А живете на что? Натуральное хозяйство?

– Пчелы есть. Апельсины, мандарины, кумкват сажаю. Травы собираю, грибы. Покупателей хватает.

– Все равно должна быть причина, чтоб отшельником стать. Вас по бизнесу кинули? Или любовь несчастная?

– Нет никакой причины. Я просто никогда особо не умел общаться с людьми, но долго пытался: учился, работал, тусовки-вечеринки. И вечно через силу! Сижу в кафе, ем эрзац-еду, дышу дымом. А годам к сорока наконец решил: зачем через себя переступать? И сбежал, построил хижину. В пяти километрах от

ближайшей цивилизации чувствую себя просто отлично.

– Но как же без цивилизации? А готовить? Книжку вечером почитать? Или если вдруг к врачу срочно надо?!

– Газовая плитка. Генератор. Квадроцикл. А в телевизоре или ванне-джакузи я не нуждаюсь.

Он взглянул проницательно:

– А вот вы, по-моему, точно сбежали от несчастной любви.

Маша никому на Розе Хутор не рассказывала про Дениса, и Василича- йети видела впервые в жизни. Но она так давно ни с кем не говорила – о себе! На работе вечное чирик-чирик ни о чем, с соседями – тоже только о текущем.

Поэтому не удержалась и выложила – как на духу.

– Это тот Денис, который сейчас Чайковского играл? – уточнил новый знакомец.

– Да, да! Это мой одноклассник! Он так меня любил, а я оказалась дурочкой!

– И вы надеетесь, что можно обернуть время вспять? – улыбнулся Василич. – Заполучить Дениса?

– Не знаю, на что надеюсь, – печально вздохнула Маша. – Просто сижу на балконе, слушаю, как он играет, и мне очень хорошо.

– В следующий раз я вам диск Евгения Кисина принесу.

– Откуда он – в вашем натуральном хозяйстве?

– Закажу.

– Спасибо.

Маша встала из-за стола. Настроение испортилось.

– Сколько я вам должна?

Он пожал плечами:

– С девушек не беру.

Машу ужасно раздражала эта местная фразочка. Деньгами не возьмет, зато приставать будет.

Но йети, оказалось, не только язык птиц понимал, но и ее мысль тоже смог прочитать. Он усмехнулся:

– Приставать не собираюсь. Куда мне со звездой Денисом тягаться!

Вот – рассказала на свою голову!

Она поджала губы и вышла проводить своего «мужа на час» за калитку. Время еще не позднее, даже не смеркалось, но из лесу вдруг показался Джек.

Маша к тому времени собаку почти приручила. Погладить себя самоед по-прежнему не позволял, но на нее рычать-щериться перестал. А на гостя – оскалился. Потом прижал уши и начал угрожающе подступать.

– Осторожнее! – перепугалась Маша.

Но абориген, отстранив ее своей лапищей, молча стоял и ждал приближения пса.

– Он вас порвет! – пискнула хозяйка.

Но суровая поступь Джека становилась все неуверенней. Яростный лай поменял тональность и обратился в скулеж. Однако пес не отступал – продолжал, будто под гипнозом, приближаться. Когда он оказался в шаге от них, Василич приказал:

– Сядь.

Джек повиновался, понурил башку.

– Хозяином себя мнишь? – вкрадчиво спросил Василич.

Пес опустил голову еще ниже, уткнул подбородок в уличную пыль.

– Дом теперь не твой, – мрачно изрек лесной житель. – И не смей сюда больше приходить.

Огромная собака поспешно вскочила и бросилась к лесу. Когда пес убегал, он обернулся и, Маше показалось, поглядел на нее с обидой.

– Зачем вы его прогнали? – спросила она аборигена. – Этот Джек очень несчастный. Я его подкармливаю.

– Он вас благодарит? Дом охраняет?

– Н-нет. Только воет по ночам.

– Значит, никчемный, невоспитанный пес. Нечего ему тут делать.

Маша расстроилась:

– И больше он не придет?

– Может, и придет, – усмехнулся гость и добавил: – Если я разрешу.

Он повернулся – и двинул в ночь. К лесу.

«Выпендрежник провинциальный», – сердито подумала Маша.

Она вернулась в дом, налила себе бокал вина, погромче включила Чайковского и вышла на балкон. Светила луна, где-то вдалеке ухала сова. Маша ждала: во второй части концерта, когда скрипки запоют особенно жалобно, Джек

обязательно начнет подвывать.

Но сегодня Чайковский и Денис закончили выступление в тишине, и без сопровождения собаки музыка показалась Маше пресноватой.

* * *

Когда Розу Хутор накрыло снегом, Маша вспомнила про бесплатный ски-пасс, который ей выдали на работе, и решила осваивать горные лыжи.

Знакомый инструктор показал основы, но ставить технику отказался:

– Извини, Маша, у меня каждый час работы золотой.

– Давай платить буду.

Он фыркнул:

– Твоей зарплаты и на день не хватит.

Пришлось потихоньку, с детских склонов, кататься самой. Но спортом она сроду не занималась – и возраст, и реакция не та. Пару раз прилично грохнулась, однажды сшибла ребенка и еле спаслась от разъяренной мамаши. Уже решила было бросить эту затею – но вдруг на склоне к ней подкатил Василич и предложил:

– Давай научу.

Выглядел он довольно позорно – комбинезон советских времен, шапочка физкультурника тоже из прошлого века, лыжи какие-то деревянные. Но объяснял толково и терпеливо, только очень уж нудно. Как застряли на самом простом склоне «Шале», так на нем и катались бесконечно. Даже на «Б-52» ее не пускал. Поправлял постоянно, придирался.

Маша ворчала:

– Тиран вы. Собаку мою выставили, разогнаться нормально не даете.

Василич усмехался:

– Разогнаться всегда успеешь. А за Джека своего не волнуйся. Он у меня.

– Где?!

– В Сочи. Я зимой там живу.

– И зачем он вам?

– Перевоспитываю. Учу, как надо дом охранять. Когда исправится – верну.

Маша искоса взглянула на своего спутника. Похоже, запал на нее Василич! С чего бы иначе – возился с ней на горных склонах? О собаке заботился?

Она виновато подумала: «И вообще хороший человек – надежный, порядочный. Совсем не блаженный. Так жаль, что я не могу его полюбить».

Новая жизнь и новые знакомства не помогали – она по-прежнему с тоской вспоминала Дениса. Бесконечно прокручивала в голове времена, когда он ее обхаживал, а она (вот глупая-то была!) отговаривала его от музыки, советовала бизнесом заниматься. И замуж выйти отказалась.

«Упустила счастливый билет – вот и работай теперь в службе сервиса. Катайся с каким-то питекантропом».

…На престижном курорте текла активная светская жизнь, и однажды на концертном зале «Роза-Холл» появилась афиша: с единственным концертом выступит Денис.

Маша, в преддверии его приезда, потратила остатки сбережений и залезла в долги. Достойный наряд, прическа, мейкап, билет в первый ряд, тщательно подобранный букет. Она постоянно ловила его взгляд и бешено хлопала. Денис улыбался – как умеют только артисты, общей улыбкой – одновременно для нее и для всех остальных. Маша подарила ему цветы, но ее стильные ромашки с

васильками сразу потерялись в ярких красках богатых корзинищ и охапок.

«Может, он в СПА придет?» – надеялась она.

Но Денис – хотя ей ровесник, сорок с приличным хвостиком – лечиться даже не думал. Каждый день спускался из своего люкса в «Роза Ски инн», сразу надевал лыжи и садился на подъемник. Жена – уже другая, совсем молоденькая – музыканта в поездке сопровождала, но кататься, по счастью, боялась.

И тогда Маша решилась. Взяла на работе отгул, выпросила у ребят из проката новенький горнолыжный костюмчик и уже с девяти утра стояла у подъемника – караулила Дениса.

Тот появился в десять – свежий, счастливый, адски обаятельный. Изящным движением встал на лыжи, подкатил и приложил к считывателю ски-пасс.

Маша решительно оттерла какую-то ушлую молодую красотку, села в кресло подъемника прямо рядом с ним и смущенно произнесла:

– Привет.

– Здравствуйте, – вежливо отозвался он.

«Неужели даже не узнал?» Но глупо ведь говорить: «Я та самая Маша! Ты на мне жениться хотел!»

И она решила начать издалека:

– Все-таки хорошо, что ты не стал заниматься бизнесом.

– Что? – переспросил Денис рассеянно.

– Ты оказался прав. Хорошую музыку будут слушать всегда, – пробормотала она.

– Золотые слова, – снисходительно отозвался музыкант и отвернулся.

Солнце сияло, снег блистал. Маэстро не было никакого дела до немолодой уже и неяркой женщины, которую он, похоже, принял за навязчивую поклонницу.

«И что мне ему говорить? – с горечью подумала Маша. – Звать выступить в своем – ха-ха! – особняке? Интересно, какой Денис запросит гонорар…»

Они больше не разговаривали. Поднялись на вершину трассы «Шале», сделали пересадку, поехали на гондольном подъемнике дальше и высадились на самой вершине, у Розы Пик. Маша здесь бывала – втайне от Василича каталась по пологому «Явору». Но Денис – уверенно двинул на красную трассу «Каскад».

Маша растерялась. Она боялась крутых спусков, да и учитель категорически запрещал. Но разве можно было вот сейчас, просто так – взять и расстаться?!

Денис съезжать не спешил – предвкушал скорость и свист ветра в ушах. Нужно ехать первой, тем более что костюмчик выгодно обрисовывал стройную еще фигуру.

И Маша смело ринулась вниз. Поворот, «плуг», поворот… скорость выше, а контролировать ее все сложнее. Относительно пологий вначале спуск превращался в пропасть, в обрыв. Она попыталась затормозить, но не смогла. Нога подвернулась, и Маша полетела – сначала просто с горы, а потом куда-то дальше, по светлому коридору, под радостную музыку Чайковского.

* * *

Очнулась она в больнице. Палата одноместная, кровать ортопедическая. У постели – букет цветов. Рядом на стульчике – дежурная медсестричка.

– Что со мной? – прошептала Маша.

– Ерунда, – с напускной бодростью отозвалась медичка. – Три небольших переломчика. Зато смотрите, какие цветы вам прислали. Это от того известного музыканта, что у нас выступал!

– А там… карточки нет?

– Есть, – со значением отозвалась девушка.

Маша разорвала конверт зубами: «Поправляйтесь быстрее. Лечение и все расходы я оплачу. С уважением, ваш попутчик по подъемнику Денис».

Значит, он так ее и не узнал! Маша заплакала. Рыдала об особняке, который обернулся избушкой. О любви, что она прохлопала. О жизни, прошедшей настолько бездарно.

А Денис в это время пил глинтвейн на террасе своего люкса и никак не мог вспомнить: кого же ему напоминает эта женщина с печальными глазами и неухоженным лицом, чье лечение он благородно оплатил.

* * *

В больнице Маша решила не залеживаться. Рука оставалась в гипсе, сломанные ребра побаливали, но она отчаянно рвалась домой.

Василич ее поддерживал. И когда наконец назначили выписку, пообещал забрать из больницы. Маша слегка смущалась, что он явится в крутую клинику в своих примитивных одеждах и, конечно, без машины. Но лесной житель произвел фурор. Приехал ни много ни мало за рулем снегохода, причем не один – на пассажирском сиденье свернулся клубком и вцепился лапами в обшивку самоед Джек.

– Василич! – ахнула Маша. – Вы сумасшедший!

Джек увидел ее и сломя голову бросился навстречу. Встал на задние лапы, передние положил ей на плечи и бережно, почти нежно лизнул в нос. Глаза его, – Маша поверить не могла, – улыбались.

– Джек, милый, – она обняла псину и захлюпала носом. – Ты все-таки признал меня! Наконец-то!

– Все, не разводим сентиментальность. Поехали.

Василич подошел, взял ее вещи и уложил в багажный отсек. Потом помог ей усесться на снегоход, а Джеку велел:

– Рядом.

И пес послушно бежал подле снегохода прямо до Машиного дома. А когда въехали во двор, он от нее не отходил, глядел умильно и постоянно рвался лизнуть руку.

– Что вы с ним сделали? – изумленно спросила она Василича.

Тот серьезно ответил:

– Я же обещал его перевоспитать. Сделал. Передаю. Только не балуй его, в дом не приваживай. На улице конура есть.

На чай Василич напрашиваться не стал. Съездил в магазин, забил холодильник продуктами, велел отдыхать-восстанавливаться и отбыл.

Маша осталась одна. Погода отличная – небо синее, солнце ослепительное. Еды полно, вся техника в доме функционирует, больничный оплатили. Целыми днями она сидела в кресле-качалке на балконе и загорала под приличным уже солнцем. Смотрела на горы, слушала Шопена, ела вкусности. То и дело запускала ладошки в шерсть Джека – никакой, конечно, конуры во дворе, пес теперь всегда находился с ней рядом.

Только радости все равно не было. Она бесконечно прокручивала в голове недавнюю встречу с Денисом. Когда оказались рядом на подъемнике, тот ведь посмотрел на нее пристально – явно вспоминал, где мог видеть. Почему было не сказать просто: «Я Маша!» Зачем-то начала всякую чушь нести…

Неужели она настолько ужасно изменилась, что Денис не признал в ней девушку, которой объяснялся в любви? Звал замуж? Умолял быть вместе в горе и в радости?!

Но даже если не признал – как мог не понять, что она ринулась по страшной трассе из-за него? Больничный счет оплатил, букет прислал, но неужели сложно

было навестить – хоть разок?! Обидно, но пора смириться с реальностью. Похоже, не нужна Денису ее любовь.

И Маша начала – с кровью – выдирать его из своего сердца. Убрала в шкаф все плакаты. Перестала слушать диски. Старалась как можно реже вспоминать, но постоянно лезли в голову их поцелуи, его влюбленные взгляды, жаркие объятия. Оставалось только утыкаться лицом в холку Джека и всхлипывать. Пес терпеливо выносил рыдания, а когда хозяйка успокаивалась, аккуратно слизывал ей слезы.

Маша боялась, что окажется никому не нужной со своими переломами, но – хоть и жила на отшибе – гости почти каждый день наведывались. Соседи заглядывали, Василич из Сочи приезжал, девчонки с работы забегали – веселили, делились сплетнями, а ближе к концу февраля сообщили: на Розу Хутор с очередным концертом едет Денис.

– Маш, ты пойдешь?

Неужели она опять сможет его увидеть? Сердце затрепыхалось, но ответ вырвался сам:

– Нет.

– Тебе еще ходить тяжело, да?

– Нормально мне ходить. Просто не хочу.

Девочки, конечно, не ведали об их отношениях и настаивать не стали, а вот Василич с насмешечкой спросил:

– Билет на своего пианиста купила уже?

Маша помотала головой.

– И почему же? – усмехнулся он.

Она ответила с вызовом:

– Я решила, что вы правы – Евгений Кисин лучше.

Василич окинул ее неземным, проницательным взглядом и больше о грядущем выступлении Дениса не говорил.

В день концерта Маша – из принципа! – классику вообще не слушала. Включила молодежных «Imagine dragons» и с раннего утра отправилась во двор чистить снег. Управляться с лопатой из-за гипса было неудобно, но держать метлу одной рукой получалось нормально. Снег, правда, чистился плохо, взвихривался, рассыпался, Джек пытался ловить снежинки, Маша хохотала. За веселой работой оба не заметили, как скрипнула калитка.

Джек опомнился первым. Виновато взглянул: «Извини, мол, прохлопал» – и в ярости бросился на вошедшего во двор мужчину. Тот вжался в забор, вскрикнул:

– Уберите собаку!

– Джек, назад!

Самоед послушно отступил, но едва гость попробовал сделать шаг – зарычал, оскалился.

Мужчина застыл на месте. Замерла и Маша. Она стояла против солнца и только сейчас разглядела: у калитки опасливо косится на Джека и переминается с ноги на ногу мужчина ее мечты, Денис.

Она бросилась к нему, пролепетала:

– Как… как ты меня нашел?

Он усмехнулся – как-то нехорошо, криво:

– Твои друзья подсказали.

– Мои друзья? Кто?

– Не важно. Маша, нам действительно надо поговорить. Только можно, пожалуйста, без этой собаки?

Он брезгливо взглянул на самоеда и объяснил:

– Не люблю больших. У нас той-терьер.

– Джек, домой, – велела она.

Пес наградил гостя ненавидящим взглядом, но молча повиновался.

– Лихо ты с ним, – уважительно похвалил Денис.

Маше еще недавно казалось: как только бывший одноклассник ее узнает – сразу молния, яркая вспышка, запах озона. Говорить – не наговориться! А случилось – и даже непонятно, как себя вести с этим чужим, в общем-то, человеком.

– О чем ты хочешь поговорить? – спросила она.

– Напомнить хотел. Вообще-то это ты меня когда-то послала. Разве не так? – Улыбка у него все-таки очаровательная.

– Да, я… – забормотала Маша. – Но я глупая была, молодая совсем. Считала: весь мир мой и все принцы. А ты со своей музыкой казался таким скучным! Я поступила подло, непорядочно. Я виновата.

– Правда, что ли, ради меня с красной трассы поехала?

– Ага. Я так расстроилась, что ты меня не узнал! Хотела внимание привлечь – хоть так.

– Маша. – Он взял ее руки в свои. – Я мог бы не говорить тебе этого… Но твой друг меня убедил, что я должен.

– Да что еще за друг, нет у меня здесь друзей!

Денис насмешливо поднял бровь:

– А как же снежный человек? Такой суровый, с бородой, в телогрейке.

Она отчаянно покраснела. Кто дал Василичу право в ее дела лезть?!

А Денис продолжал:

– Ну, должен так должен, мне не жаль. Признаюсь, как на духу: тогда, в девяностых, тридцать лет назад, мне элементарно нечего было жрать. Разгружал ночами вагоны, а хотелось заниматься музыкой, брать индивидуальные уроки, купить себе нормальный инструмент, иметь жилье, где я смогу практиковаться. Воровать я не умел, поэтому оставалось одно: увиваться за девчонками из богатых семей и надеяться на деньги их родителей.

– За девчонками? – Ее голос сразу сел. – То есть не только за мной?

Денис парировал:

– У тебя тоже хватало кавалеров. Но ты их коллекционировала из интереса, а я – ради великой цели. Ради музыки. И я искренне благодарен тем, кто поддержал меня… на первых порах.

– Ты… ты просто хотел меня использовать? А когда я тебе отказала – нашел другую?

– Да. Родители моей первой жены пять лет содержали нашу семью и оплачивали мое образование.

Она глядела на него и не верила.

Наконец Маша пробормотала:

– А зачем же я всю жизнь о тебе мечтала?

– Понятия не имею. Мне и в голову не могло прийти, что ты меня до сих пор помнишь, – виновато произнес Денис. – Тогда, на подъемнике, увидел – вроде лицо знакомое, но решил: показалось. Я был уверен, что ты давно меня забыла и прекрасно устроила свою жизнь.

Увидев слезы в ее глазах, он торопливо сказал:

– Маша, пожалуйста, только не плачь! Прошлого не воротишь. Я женат. Да и смешно склеивать разбитую посуду. Тем более спустя тридцать лет.

И тут молния в ее голове все-таки сверкнула. В ушах громыхнул гром, и после вспышки-встряски мир вокруг стал настолько красивее, слаще, ярче!

– Денис, – проникновенно произнесла Маша, – какой ты умный. Какой ты смелый.

Увидев испуг в его глазах, она развеселилась:

– Да не бойся, я не пытаюсь тебя соблазнить. Ты действительно поступил круто, что пришел и сказал мне все это! А то я бы до старости продолжала слушать твои диски и рыдать! – Маша не удержалась и добавила: – И, кстати, Женя Кисин – играет гораздо лучше.

* * *

Денис не сомневался: на его концерт Маша все-таки придет, хотя бы для того, чтобы попрощаться – теперь уже навсегда.

Но контрамарка, что он ей дал, пропала – кресло в центре первого ряда долго оставалось пустым, и только в антракте туда перескочила какая-то толстуха с задних рядов.

А вечером в ресторане к нему подошел мужчина. На первый взгляд он ничем не выделялся из общей гламурной тусовки – костюм с иголочки, новые ботинки, свежая стрижка, чисто выбритое лицо, приличные часы. Единственное, что слегка резало взгляд: чувствовал себя человек явно неуютно, словно впервые в жизни прилично оделся.

Денис присмотрелся – и узнал. Да это же тот самый человек, который накануне явился к нему в гостиницу, открыл имя девушки, лежащей с переломами, и потребовал все ей объяснить.

Музыкант протянул руку первым. Преобразившийся в хомо сапиенс пещерный житель ответил крепким пожатием.

Денис кивнул на его костюм:

– Ради нее старался?

– Да. – Новый знакомый неумелым жестом попытался ослабить галстук.

– И что?

– Ничего пока. Жду. Волнуюсь.

И тут в зал впорхнула Маша. Выглядела она сегодня совсем юной, счастливой, глаза сияли. Окинула взглядом зал – и бросилась к ним.

Денису кивнула, а снежному человеку строго сказала:

– Нормальная одежда тебе идет, но бороду мог бы оставить. И зачем ресторан? Ты тусовки не любишь, я от них тоже отвыкла.

– Ничего, – усмехнулся абориген. – Я потерплю. А ты снова втянешься.

Он бережно обнял свою спутницу и повел к столику.

А Денис весело крикнул вслед:

– Будете жениться, звоните! На свадьбе сыграю бесплатно.

Она обернулась:

– Ловлю на слове! Тем более ты сам когда-то обещал – сыграть для меня где угодно.

Татьяна Устинова

Император и Юта

А что, девчонки, сказала Марина Каменева, на Колыме-то мы никогда не были!.. Мы согласились, что не были. А не полететь ли нам в Магадан, спросила Марина. Мы немедленно выразили готовность лететь. А не проехать ли нам по Магаданской трассе, продолжала Марина, это всего тысяча триста километров. Желаете? Мы моментально страстно зажелали.

Перелет, Магадан, бухта Нагаева. Серое небо, дождь то и дело принимается. Памятник жертвам репрессий работы Эрнста Неизвестного – слабонервным лучше близко не подходить. А впереди у нас тысяча с лишним километров трассы. «Газель» бодро едет; ее бодро ведет Сережа. Ведет и рассказывает – вот здесь этап замерз, много тысяч душ вместе с конвоирами и собаками. Пришла пурга, откуда не ждали и когда не ждали, все замерзли. Вот здесь мост обвалился, как раз когда по нему заключенных гнали, видите, еще сваи торчат. А красивый был мост, пролеты хоть и деревянные, а как будто из чугуна лили, питерские зэки из инженеров-путейцев сооружали. А вот здесь, где Колыма поворачивает, года три назад вдруг стали тела всплывать, да много так, хорошо сохранившиеся, и почему-то исключительно женщин и младенцев. А потом оказалось, что река на той стороне берег подмыла, их из мерзлоты и стало на стремнину выносить. На той стороне как раз женский лагерь был.

А красота вокруг такая, дух захватывает. Конец августа, ни комаров, ни мошки, можно на взгорочке хоть полдня, хоть день просидеть и смотреть, смотреть. И думать, думать.

Под вечер Сережа со своей «Газелью» привез нас на прииск Дусканья – ночевать. На прииске ждали изо всех сил – гости в таких местах редкость, развлечение. Повар Тимофей и стряпухи Наташка с Надей наготовили всего, стол был как на картинках в русских сказках. Таким образом там, как правило, иллюстрируют свадьбу Царевны Лебеди с царевичем Елисеем.

На прииске жил пес. Пес абсолютно царских кровей – всерьез. Он и по виду, и по повадке абсолютный аристократ, Император. Я не вспомню сейчас, как называется порода – северная какая-то порода, северных собак не перепутаешь ни с какими другими. Плотная, как будто заутюженная от головы к хвосту шерсть, широкая медвежья морда, скругленные уши – острых не бывает у северных собак, чтобы кончики не отморозить, – мускулистые лапы и хвост поленом, способный сворачиваться в шикарный меховой бубель. Царская кровь проявлялась в осанке, посадке головы, молчаливости – за все время нашего гостевания на прииске пес не сказал, по-моему, ни слова. Его подарили Юре, хозяину прииска, какие-то заезжие американцы или японцы. Они приезжали перенимать у Юры опыт: огромные драги, содержащиеся в безупречном порядке, железная дисциплина, четкая и жесткая организация работ, чистота – как будто не прииск вовсе, а строительство королевского дворца в Нью-Гемпшире – и бережное, какое-то даже трепетное отношение к тайге, странное для старателей, которым, по идее, должно быть на все наплевать, кроме добычи «презренного металла» и получения денег за добытое.

Японцы или американцы и прислали Юре пса царских кровей. Вместе с подругой-принцессой, чтобы, во-первых, Император не скучал, а во-вторых, чтобы кровь оставалась настоящей, голубой, ни с какими другими собачьими кровями не перемешивалась.

И зажили они на Юрином прииске счастливо – Император и Принцесса. Старатели рассказывали – сама я этого не застала, – что поначалу у них была любовь, да еще какая!.. Вдвоем они бегали в тайгу и возвращались абсолютно счастливыми; плавали в ледяной Колыме, почти до самой стремнины, и он всегда плыл чуть позади, отслеживая подругу; по утрам он приносил к ее ногам задавленных мышей и евражек – ну то есть кофе в постель подавал. Он каменел и леденел, когда Принцессу гладили и хвалили люди, – ревновал страшно, но держал себя в руках. А как же иначе, он Император и просто обязан держать себя в руках!..

Потом родились щенки, четыре то ли медвежонка, то ли поросенка, лобастенькие, тупоухие, желтопузые, со скрученными в крохотные бублики крохотными хвостами. Отец-Император был счастлив и горд. Он рассматривал своих детей с изумлением и радостью. Он просиживал рядом целыми днями. Он стал приносить любимой дохлых мышей и евражек не только по утрам, но и по вечерам. Он не подпускал к своим детям людей, хотя северные собаки никогда не нападают на людей. Они существуют для того, чтобы защищать и спасать

людей – от зверя, от мороза, от пурги.

А Принцессе все это дело, в смысле семейной жизни, очень быстро надоело. Она перестала быть прежней красавицей, шерсть лезла клоками, и ее это раздражало, она все пыталась навести прежнюю красоту, а никак не получалось. Живот отвис, и четверо лобастеньких и желтопузых, похожих на отца, то и дело приставали к ней, требовали внимания, заботы, ласки и еды, а ей хотелось на волю. Ведь как хорошо все было еще совсем недавно, покуда не навалилась на ее шею вся эта семейная обуза – можно куда угодно бежать и все что угодно там делать! Можно за ближайшей сопкой унюхать тревожный и грозный медвежий запах и немного пойти по следу, просто так, чтобы знать, куда он ушел, этот зверь, и откуда может нагрянуть! Можно в кедрачах полаять на белку, взлетевшую на самую высокую ветку. Можно вырыть из-под мха сладкий корень и пожевать его – приятно, и вкус такой странный! Можно гонять в ручье форель, пугать куропаток, все что угодно можно!

И вдруг ничего нельзя. Сиди с бестолковыми и беспомощными детьми за забором прииска, под стеной лиственничного сарая, где нет ничего, кроме пыльной травы, миски с неинтересной едой, недоумевающего мужа и бесконечных забот!..

И в один прекрасный день Принцесса решила – хватит с нее. Пусть этот самый муж разбирается как знает, а ее жизнь еще не кончилась! Она еще молода и прекрасна! Ей хочется жить весело и интересно, как любой принцессе.

И она стала… уходить в тайгу. Поначалу одна, потом присмотрела себе компаньона из собак попроще, и закрутилось, и понеслось!.. Ее пытались привязывать, но привязывать северных собак – дело гиблое, они все равно уйдут, хоть на пудовую цепь посади. Ее пытались запирать, но она поднимала такой шум, что на прииске никто не мог спать. Она рычала на детей, швыряла их, раздражалась. Она и на Императора рычала – это он ведь во всем виноват! Он устроил ей такую каторгу вместо прежней прекрасной жизни!..

Император понимал только одно – детей нужно спасать, покуда супруга шарится по тайге! И он стал спасать детей. Сам, один, других собак он к своей семье не подпускал. Нет, молоком из младенческих бутылок их кормили, конечно, Наташка с Надей, за бутылками Юра ездил в Магадан, не слишком далеко, километров шестьсот по тракту. Император делал все остальное: укачивал, ухаживал, убирал, вылизывал, выкусывал, наподдавал по круглым поросячьим

задницам, чтоб вели себя прилично. Повел на первую прогулку – дети дошли почти до бани на берегу, а самый храбрый и самый похожий на отца даже в камыши залез сдуру, отец кинулся и вытащил за шкирку.

Супруга прибегала поначалу раз в день, потом реже, презрительно оглядывала щенячью кутерьму и блаженно валилась отдыхать. Император сидел, выпрямив гордую спину, караулил ее сон. Когда она просыпалась, он пытался показывать детей – подросли, поумнели и уже не требуют бесконечных усилий, но ей было все равно. В конце концов она переселилась к другим собакам, где было весело, где радостно скакал ее беззаботный компаньон, и больше за загородку не приходила.

Юра, хозяин прииска, замучился просто. Как помочь?.. Да и примет ли Император помощь?.. И все приисковые замучились тоже.

Тогда Юра сел в машину, поехал в Усть-Омчуг и привез оттуда Юту. Никаких не королевских кровей. Особенной красоты тоже никакой. Так, девочка и девочка.

Юта прибыла, осмотрелась, обежала территорию, в тайгу тоже сбегала, ненадолго. Потом зашла за загородку и обнаружила императорскую семью. Император как раз мыл детей после обеда. Прииск затаил дыхание. Выгонит или нет?.. Юта некоторое время наблюдала, потом решительно отстранила ошеломленного Императора от неподобающего занятия, перемыла детей, тому, самому резвому, наподдала по заднице, уложила всех спать, сама пристроилась рядом, но глаз не сомкнула. Через некоторое время разбудила, умыла, построила и повела к сопке, на разнотравье, витаминов поесть. Император следовал за ними издалека.

На прииске никто не работал, все ждали.

К вечеру Юта привела детей домой, воспоследовали процедуры укладывания и наподдавания по задницам, велела всем спать и сама улеглась. Настороженный Император устроился в некотором отдалении.

Утром, ледяным, хрустальным августовским колымским утром Юты в загородке не оказалось. Все наблюдали, у всех в это время нашлись неотложные дела как раз рядышком. «Не везет мужику», – со вздохом заметил кто-то из старателей. И тут прибежала запыхавшаяся Юта. Она бегала в тайгу за угощением для

Императора. И когда она положила перед ним дохлую мышь, по-моему, он заплакал, несмотря на то что Император.

Императорские наследники тоже претендовали на мышь, но отец их разогнал. Подарок предназначался только ему.

Евгения Михайлова

Сиделка

Алевтина была человеком, неприятным во всех отношениях. На этом тему можно было бы и закрыть. Для Надежды, дамы общительной, но крайне избирательной, это значило только одно: доброе поверхностное общение и полный внутренний игнор.

Они встречались между своими дворами иногда не один раз в день, потому что у обеих были собаки. Надя издалека готовила самую дежурную свою улыбку, яркие голубые глаза ее никогда не подводили: они смотрели на любого собеседника искренне и участливо, что бы ни испытывала их владелица к разным людям.

«Привет, дорогая. Как дела? Как ты изумительно выглядишь», – звучало всегда тепло и свежо, за что Надю все и любили.

А правая нога уже делала шаг вперед, чтобы Аля успела только поздороваться, а ее нескончаемое нытье про здоровье, про сплошные неприятности и сплетни злых соседей уже не догоняло Надю.

Это никого не обижало: все знали, что Надя очень занятой человек, несмотря на то что она домохозяйка. Но она считала своим долгом поставить на высокий профессиональный уровень заботу о доме, о своем очень умном, молчаливом муже с какой-то секретной работой, взрослом сыне, которому при такой маме вовсе не хотелось быть взрослым, и, конечно, о крупной, меховой и белой собаке Машке, самом благодарном члене Надиной семьи. С красивой Машкиной морды не сходила счастливая собачья улыбка.

Вот тут и была зацепка, помеха, которая мешала Надежде легко проскочить контакт с недоброй, скрытной, часто откровенно лживой Алевтиной. Проще всего было не замечать вечные дрязги Али с другими людьми, поминальник ее диковинных, не существующих в природе болезней. Но невозможно отмахнуться от печальной участи ее собаки Динки. Можно далеко отодвинуться от очевидности, но внутри себя такую тему не закроешь. Плохо живется собаке рядом с человеком, который может думать только о себе, о том, как покормить себя, полечить, порадовать, а на собаку жалко не то что лишнюю копейку потратить, взгляда и слова нормального жалко.

Все знали, что Алевтина просто загоняла Динку под диван, чтобы не тревожила, где та и проводила свои такие одинокие и такие тяжелые дни и ночи. Только ради Динки Надя иногда и вступала с ее хозяйкой в подробный разговор, который быстро перерастал в полемику, а обрывался за секунду до откровенных обличений, обвинений, окончательного Надиного приговора вредной и подлой сути Алевтины.

Все это Надя договаривала уже про себя, на ходу, иногда сдерживая злые слезы.

Говорила себе: «Надо что-то делать» и понимала, что это тот случай, когда что-то изменить невозможно. Алевтина была человек-кремень. Такой черствый, непрошибаемый и тупой кремень. Так Надя и пробегала мимо нее, как мимо кирпича, с которым необходимо здороваться, но всегда оставалась царапинка в душе, оставленная темным и тоскливым взглядом Динки.

Казалось, такое положение вещей может длиться сколь угодно долго. Надя крепко держала свой дом и благополучие близких. А у Али все не менее крепко держалось на деньгах дочери, настоящей американской миллионерши. И вдруг, после одного нелепого, почти смешного случая события понеслись стремительно, как лифт, сорвавшись с тормозов, летит в шахту.

А случай был такой. Алевтина с собакой пришла на площадку нормальным шагом, а на обратном пути пожаловалась соседке, что ей стало страшно ходить. На следующий день она вдруг засеменила меленькими шажками, иногда задумываясь, как будто вспоминала, как это вообще делалось. Сначала все, включая ее бесконечных врачей, решили, что речь об очередной симуляции.

Потом шутить расхотелось. Болезни не находили, а человек переставал ходить.

«А у человека собака», – застучала мысль в голове Нади.

«Давайте что-то делать», – хватала Надя знакомых.

– А что тут можно сделать? Это же Алевтина, ты же ее знаешь. Она просто жалуется всем, а с любой помощью грубо пошлет. Она же никому не доверяет.

Так примерно все и реагировали на призывы Нади, и это была не черствость, а беспощадная правда. Так примерно и вышло, когда Аля стала падать рядом со своим подъездом, соседка ее подхватила, привела вместе с собакой к квартире, хотела войти, помочь, вызвать «Скорую», но у Али хватило сил ее вытолкать и действительно послать. Никто на этот раз не обиделся, нашли телефон родственника Алевтины, который приехал с ключом от квартиры.

Алю увезли на «Скорой» в больницу, через день прилетела ее дочь, сказала соседям, что мать не ходит и не говорит, что у нее, видимо, инсульт.

Столько новых условий появилось в проблеме, которая в мозгу Нади значилась под названием «Динка», что Надя по своему обыкновению стала отслеживать ситуацию профессионально. Да, ее по-прежнему больше беспокоила судьба собаки.

Алевтине помогают врачи, а еще больше деньги дочери, ее присутствие. Динка совсем никому не нужна.

Надя взяла телефоны соседей Алевтины и на прогулках со своей Машкой стала занимать такие позиции, с которых видно и слышно по максимуму много. Она сделала даже следующий шаг: из числа соседей вычислила тех, кто живет в доме давно и знает дочь Инну с детских лет, и вышла с ними на связь. Она давала свои координаты и просила передать, что готова принять участие в судьбе собаки. Ей можно найти других хозяев, можно организовать прогулки и даже кормление Динки с местными собачниками по очереди.

Дочь оказалась достойной своей матери: Надины предложения либо отвергались, либо игнорировались. Короче, культурнее, чем мама, но посылала. Надя и не думала ни обижаться, ни оставлять своих попыток.

Надежде, с ее упорядоченной семейной жизнью, с ясными и честными отношениями с близкими, было трудно себе представить, как причудливо могут выстраиваться события за кулисами жизни другой, качественно чужой.

Развитие истории Алевтины Надя, как источник, получающий информацию из самых первых рук, обсуждала с остальными заинтересованными знакомыми возбужденно, пристрастно, с массой догадок и предположений. И вся эта искренняя озабоченность временами прорывалась приступами нервного смеха, Надя было очень смешливой, а это все ни на что не похоже. Какой-то трагифарс, как ни крути.

Инсульта у Али не было. Она заговорила – нормально, ясно, без всяких потерь, но вставать отказывалась. От них с дочерью потребовали освободить место. И так в трех больницах, не самых плохих.

Пикантность была еще в том, что у такой вроде бы тяжелой больной не нашли совершенно никаких болезней, даже возрастных проблем. И обсуждать это не приходилось, потому что Инна за немалые деньги привозила всех возможных консультантов. Наконец было найдено решение, лучше не придумаешь, тем более дочери нужно было улетать к своей работе и семье.

К Але наняли постоянную круглосуточную сиделку, вместе они переехали в отличный и элитный оздоровительный центр, где их поселили в прекрасном, большом номере и создали индивидуальную программу восстановления.

Дочь убедилась, что персонал умело уговаривает мать делать гимнастику, водят ее в тренажерный зал и бассейн, и улетела с чистой совестью.

Примерно через месяц Алевтина с сиделкой вернулись домой. Надя узнала от соседей, что в обязанности сиделки входит и уход за собакой, и с удовольствием подумала, что наконец закроет чужую и какую-то нездоровую тему.

Она даже для полноты позитива рассказывала знакомым, что все наладилось, что так даже лучше.

Профессиональная сиделка должна обладать, кроме навыков и знаний, необходимым запасом милосердия, наверняка в агентствах их строго отбирают. Она составит Алевтине компанию, будет заставлять ее ходить, заниматься

физкультурой, у той не останется времени и желания для того, чтобы искать у себя симптомы несуществующих болезней. И разумеется, добрый, умелый человек полюбит и Динку. Как ее не полюбить: она такая нежная и робкая, у нее такой говорящий взгляд. А денег Инна присылает столько, что они все могут жить не тужить.

Прелестная история у Нади получилась, она сама в нее поверила, все были рады и довольны. Но вот дурацкий характер, этот ее профессиональный подход ко всему… Это все постоянно требовало: проверить и убедиться. В любой мелочи. А тут все же не мелочь, а две жизни. И никак не отмахнешься от того обстоятельства, что Алевтина не появляется на улице уже четвертый месяц. Она же после стольких обследований признана врачами практически здоровой. Да, конечно, нужно учитывать последствия стресса, странный психоз со страхом ходить, даже симуляцию следует учитывать. Это тоже в какой-то степени болезнь. Но она занималась в оздоровительном центре в тренажерном зале, плавала в бассейне!

Короче, Надежда после довольно большого перерыва вернулась на наблюдательный пункт у дома Алевтины. Она хотела увидеть сиделку своими глазами, посмотреть, как та обращается с собакой, в идеале получить полную информацию обо всем в целом. И тогда точно закрыть тему.

Получилось, конечно. Из подъезда однажды выбежала Динка. За ней шла коренастая женщина с мобильным телефоном, прижатым к уху. У женщины было круглое лицо, расслабленная и в то же время уверенная походка крепкого, устойчивого человека, который привык к большим физическим нагрузкам.

«Это хорошо», – задумчиво сказала Надя собственной бдительности.

Она двадцать минут ждала, пока женщина закончит разговор. За это время Динка успела присесть под кустиком, и они вдвоем направились к подъезду. Телефонный разговор продолжался.

Надежда вернулась домой, там сидел ее муж, которому так редко удавалось вырваться днем, чтобы поесть нормальной еды. У него было расстроенное лицо. Надя резко себя возненавидела за любопытство и ненужную активность, бросилась разогревать суп и котлеты.

Гена таких не найдет ни в одной столовой на свете. Ни в одном самом лучшем ресторане. Понимание последнего факта успокоило обоих. Как это хорошо – посидеть, помолчать вдвоем среди рабочего будня с человеком, который кажется по-прежнему самым умным и красивым с тех самых пор… С тех школьных, сумасшедших пор. При всей своей любви к сыну Надя и Геннадий как будто вернулись друг к другу после долгой, условной, пунктирной разлуки, когда купили сыну отдельную квартиру. А уж сын как рад. При всей любви к ним.

Только к ночи Надя позволила себе заметить одну царапинку в сознании. Эта сиделка ни разу не взглянула на Динку во время своей телефонной трескотни. Царапина давала о себе знать сначала легким зудом, к утру противно заныла. Уснуть так и не удалось.

Надя потратила вдвое больше времени, чтобы приготовить Гене завтрак. Насыщая бывший примитивный омлет большим количеством в малых дозах всех любимых мужем продуктов, она хитрила сама с собой. Конечно, все дело в ее постоянной, временами нестерпимой любви к Геннадию, а не в том, что она неотвратимо залипает в чужую, неприятную, совершенно не нужную для них ситуацию. Если не сказать, вредную.

Гена позавтракал, даже не похвалил, а просто взглянул на жену тем теплым, окрашенным доброй иронией взглядом, который говорил ей больше всяких слов. Сейчас он сказал: «Ты та самая смешная девочка, которая тайком подкладывала мне свое яблоко и конфету в четвертом классе. Ты та красавица, которую я однажды увидел со стороны и уже ни с кем не мог сравнить, ни с одной звездой Голливуда. Ты моя милая, наивная жена, которая никогда и ничего не сможет от меня скрыть. Ни обиды, ни тревоги, ни ревности, ни приступов вот такой нежности».

Гена молча все сказал, Надя в ответ крепче обычного прижалась к нему, прощаясь в прихожей. Закрыла за ним дверь, внимательно посмотрела на свое отражение в зеркало. Она почти не тратила время и деньги на уход за своей внешностью, которая вовсе не была ей безразлична.

Да, они появились, причем довольно давно – тонкие морщинки на лице, серебряные волоски в по-прежнему пышной копне волос пшеничного, естественного цвета. И пусть кто угодно думает о ней что угодно, Надя видит в зеркале стройную и яркую блондинку с голубыми, ясными глазами, которую любит Гена. Она смотрит на себя его глазами, а они такие честные, такие

проницательные и умные, что не соврут. А насколько Гена выделяется на фоне всего остального мужского племени – это признает любая женщина, Надя не сомневается. И если совсем уже честно, симпатичный сын Славик отцу внешне в подметки не годится. При всей своей молодости и накачанных мускулах.

Надя однажды выгнала из дома очередную подружку Славика, которая откровенно приставала к Гене. С тех пор сын к ним своих девиц не водит.

Надя глубоко вздохнула и позвала Машку:

– Побежали следить.

Про себя подумала: в чем Гена всю жизнь ошибается, так это в том, что Надя ничего не может от него скрыть. И слава богу, пусть заблуждается…

Через десять минут они были на своем посту. А еще через пятнадцать из подъезда Алевтины выбежала Динка, за ней затопала сиделка с приклеенным к уху телефоном. Но сегодня у нее не получится как в тот раз. Надя засекла время, ровно через двадцать минут, когда сиделка, не подумав взглянуть на собаку, направилась к подъезду, она встала на ее пути. Сразу включила свое главное оружие: прелестную, радостную улыбку, сияющий взгляд голубых и прозрачных в своей искренности глаз.

– Здравствуйте, дорогая. Не знаю, как вас зовут, но уже столько хорошего о вас слышала.

Сиделка не прервала разговора, только скосила на Надю безразличный и довольно наглый взгляд небольших карих глаз и отмахнулась:

– Мне некогда. Вы же видите, я разговариваю.

Залп следующий. Надя произносит фразу своим коронным голосом с вежливыми, но убийственными для нервов интонациями, каким она пользовалась несколько лет, когда работала юристом в налоговой инспекции.

– Прошу прощения, любезная, но я специально пришла, чтобы с вами познакомиться. Уделите мне время. Дело в том, что я близкая знакомая

Алевтины и ее дочери, меня беспокоит ее состояние, поэтому нам придется сотрудничать, по крайней мере информационно. Вы, конечно, ничего не имеете против?

Надя с удовольствием заметила, как тень раздражения на лице сиделки сменилась явным беспокойством, после чего та завершила разговор и выжидающе уставилась на Надю.

– Меня зовут Надежда, можно просто Надя. – Голубые глаза вновь изучали бесконечное доверие и расположение. – А вас как зовут? Какие люди у нас безразличные. Никто не знает, как вас зовут. Наверное, к вам никто и не заходит. И вы там с Алей одни-одинешеньки, в случае чего не к кому даже обратиться.

– Я Валя, – улыбнулась сиделка. – Да у нас, в общем, все в порядке.

Сразу выяснилось, что спешить ей совершенно некуда. В это время Аля спит после обеда. Они пошли по аллее, как две подружки, рядом их собаки. Динка была явно в восторге, оттого что у нее появилась компания.

Надя не гнала лошадей. Они гуляли, она болтала обо всем, что видела, делилась своими проблемами из разряда «отвлечь внимание»: к примеру, «в каких фруктах весной больше всего витаминов, вот вы мне как профессионал скажите». Потом сидели на скамейке, грелись на солнышке.

Надя с удовольствием отмечала в лице собеседницы растущую симпатию и то неизменное пренебрежение, какое женщины такой комплекции, с таким хитрым разрезом мутноватых глаз испытывают по отношению к стройным и ярким блондинкам. Хорошо, мол, с такой потрепаться. У блондинки мыслей хоровод и логика дефективного младенца.

Валя слишком поздно заметила, что поставлена перед необходимостью прямо отвечать на вопросы, сформулированные так жестко, что увернуться не получается.

Разговор она оборвала резко, и лицо ее сразу захлопнулось, как крышка сундука. Она взглядом велела Динке бежать к дому, ушла быстро, не попрощавшись.

У Нади не было сомнений в том, что Валя больше с ней на контакт не пойдет. Что само по себе говорит о многом, если не обо всем. Она медленно и задумчиво направилась к дому: работать с тем материалом, который она, кажется, сейчас получила в изобилии.

Дома она сразу взяла швабру и стала доводить до блеска полы во всей квартире. Швабра удивительным образом помогала ей задавать себе такие неприятные вопросы, на которые возможен лишь один ответ: черное или белое, да или нет. Никаких нюансов.

Итак. На вопрос, почему Алевтина не гуляет на свежем воздухе, сиделка со смехом ответила: «Мы с ней такие ленивые. И погода плохая». Дальше. Надя сказала, что слышала от Инны, будто Валя отлично готовит вкусные, полезные блюда. Та опять со смехом: «А зачем возиться? Я покупаю готовую буженину, колбасу, готовый шашлык. Мы это едим».

Надя лишь хлопнула ресницами: это все оружие массового поражения, а не еда для ослабленного, лежачего человека. Но не издала ни звука. Продолжали мило болтать.

«Аля не встает даже, чтобы сходить в банкомат за деньгами? У вас же большие расходы», – невинно спросила.

Валя легко ответила: «А зачем? Я за пять минут сбегаю, не тащить же ее».

Итак, швабра, что же у нас получилось? Два первых ответа – наглая правда, так поиздеваться можно только над блондинкой. Третий и есть начало поиска, который не может не привести к результатам. Дело в том, что Аля почти каждый день снимала довольно крупные суммы со своего американского счета – на лекарства и питание. А там серьезное состояние.

Надя удовлетворенно осмотрела пол, помылась под душем, сварила себе кофе и села за письменный стол с ноутбуком. В последние годы она старалась не отвлекаться от сайтов с рецептами блюд и советами по не столько здоровому, сколько приятному образу жизни.

У Нади есть своя теория: полезно человеку лишь то, что в радость, в удовольствие. А это значит, хозяйка должна знать такие секреты мастерства и

такие хитрости в поддержании здоровья всех, что вам и не снилось. Наде просто не нужны признания и степени, а то бы написала диссертацию. Гена точно с нею согласен.

А от профессиональных форумов юристов, от сайтов специалистов она отлучала себя всю жизнь жены и домохозяйки. И только ей известно, с какой болью и тоской отлучала. Просто решила, что с покоем семьи такая информация несовместима. Но пришел момент, когда нужно вернуться. Не любопытства ради.

Прежде всего она набрала домашний телефон Алевтины, минут десять слушала длинные гудки. Аля не встает к телефону, который находится в прихожей, Вале, возможно, велено не брать трубку. Затем она набрала номер мобильного. Сначала телефон был вне доступа, потом тоже долго не отвечали.

Надя почти успокоилась: наверное, Аля спит или не хочет ни с кем говорить. Но если телефон при ней, значит, она проверяет сообщения о том, сколько денег и когда сиделка снимает с ее счета. Она уже хотела разъединиться, но тут трубка рявкнула грубым: «Да, але». Это был голос Валентины.

Надя мило извинилась, сказала, что не туда попала. Вот теперь она с легкой душой пойдет по пути профессионального поиска. Приятный человек Алевтина или нет, но тут ключевое слово – человек. А рядом с ним нет другой родной души, кроме Динки. И они обе, возможно, в большой беде.

Надя почти не сомневалась, что информация найдется без труда. Дочь Али, правильный американский собственник, могла заключить договор только с законным агентством по уходу, проверив легальность лицензии. А таких не очень много. И они непременно сообщают информацию в налоговую инспекцию. А на тех сайтах Надя как рыба в воде. Просто набрала в поиске ФИО Али, ее адрес и номер телефона.

Вот и номер договора с фирмой «Добрые дела». Фамилия сиделки для круглосуточных услуг Перчикова. Валентина Перчикова. Дата. Сумма за сутки. Телефон фирмы. Надя набрала его.

– Прошу прощения, я приятельница Алевтины Мишиной, которой очень помогла ваша фирма. Она хорошо отзывалась о сиделке Перчиковой. У меня такой

вопрос: нельзя ли узнать, когда она будет свободна? Я хотела бы ее нанять к больной тете. Могу официально оставить заявку, чтобы застолбить.

– Минутку, – буркнули «Добрые дела». – Так вам Мишина не сказала? Уволилась давно от нас Перчикова. Три месяца назад.

– То есть как? Я недавно ее видела у дома приятельницы.

– Не сомневаюсь. Они часто так делают, если им хорошо платят и неохота делиться с фирмой. Ничего, нарвется на закон о самозанятых. Мы за такими не гоняемся. Другая нужна?

– Я подумаю и обязательно перезвоню. Спасибо.

«Так что мы узнали?» – посмотрела Надя в преданные глаза Машки.

Обычная история. Не криминал. Но криминал у нас всегда рядом. Подожди еще часок, я найду. Есть. Почти свежая информация. В родном районе задержаны четыре полицейских, которые создали ОПГ вместе с черными риелторами: отбирали квартиры у больных, инвалидов, пенсионеров.

Надя открыла сообщение, посмотрела на звания и должности задержанных, рассмеялась. Как же: именно они и есть основатели. Сержанты и лейтенанты, исполнители, шестерки. Но такое сообщение – это запах большого костра с последствиями: с трупами или в лучшем случае новыми бомжами. И зажигают такие преступные костры крупные начальники, а исполнители – не только участковые, но и масса других людей, в том числе врачи и сиделки. Очень полезными бывают в таких делах сиделки.

Разумеется, Надя с великим почтением относится к презумпции невиновности. И потому рецепт прежний: проверить все сомнения и в чем-то убедиться. Нужно идти в гости к Алевтине, хотят они обе того или нет. Просто посмотреть: вдруг Аля весела, довольна, нежится в классном уходе, а гуляет только под луной, даже бегает трусцой. А рядом бежит счастливая Динка. Так бывает: человеку хочется отдохнуть от людей, от лишней информации, от вопросов, наконец. Да, красиво проникнуть, поставить все точки над своими, возможно, маниакальными i. И закрыть наконец тему Алевтины.

И Надя вдохновенно начала готовить самые вкусные, легкие, подарочные, можно сказать, блюда. Томатный суп с креветками, салат с опятами и шоколадный мусс, прекрасный, как роза.

На этот раз она пришла к дому Алевтины одна, с сумкой, в которой аккуратно стояли судки с едой, ровно через час после двадцатиминутной прогулки Валентины с собакой. Все должны быть дома. Набрала квартиру Али по домофону, долго ждала, ей не ответили. Она хотела войти с кем-то из жильцов в подъезд, позвонить сразу в квартиру, но вспомнила про глазок и передумала. Сразу после домофона нельзя: Валя наверняка посмотрела из окна, как она стоит у подъезда. Терпеливо погуляла по аллее взад-вперед не менее получаса. Потом вошла в подъезд вместе с Алиной соседкой с первого этажа, заодно помогла той поднять через порог коляску с ребенком.

На десятом этаже позвонила в квартиру, подняв сумку на уровень глазка. Вроде там что-то громоздкое поставили. Долго ждала. Не открывает, дрянь.

Надя постучала кулаком по двери и грубым голосом произнесла:

– Вы откроете – нет? Или мне через полицию вам срочную телеграмму передавать?

Дверь распахнулась мгновенно. Перепуганные глазки Валентины мгновенно стали злобными и колючими, она могла бы прибить Надежду тяжелой металлической дверью, поскольку та встала сразу на порог. К счастью, Надя не позволяет себе потерять хорошую форму; отжимается от пола и поднимает гантели Гены иногда по ночам, если днем некогда. Она сдвинула Валентину, закрыла за собой дверь и лучезарно улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Русский бриллиант

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/luchshiy-drug-detektiva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити